МАРИ ЛЮБРОН

ГЛОТКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мари Люброн

Глотка

«Автор»
2026

Люброн М.

Глотка / М. Люброн — «Автор», 2026

Ева слишком хорошо знает, сколько стоит чужое желание. В тридцать семь лет она устала от клиентов, наркотиков и жизни, в которой последнее слово всегда остаётся за другими.Когда в её квартире появляется демон Адаваш, всё меняется. Его дар позволяет чувствовать чужие страхи, страсти и слабости. Мужчины, ещё вчера смотревшие сквозь неё, готовы отдавать деньги, связи и власть. Ева быстро понимает, как этим пользоваться.Но у новой жизни есть хозяин. Адаваш забирает собранные ею чувства, требует подчинения и не собирается делить её ни с кем. Его помощь даёт Еве всё больше возможностей. Его ревность заставляет искать способы ударить в ответ.Собственное дело, дорогая квартира, поверженные враги — каждое новое приобретение радует всё меньше. Чтобы снова что-то почувствовать, Еве нужна добыча покрупнее. Адаваш охотно помогает. Её жестокость и ненасытность нравятся ему всё сильнее. Только о том, зачем он выбрал именно её, демон пока молчит.

© Люброн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 33
Глава 5 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Мари Люброн
Глотка

Мари Люброн
Глотка
2026

© 2026, Мари Люброн

Все права защищены.

Не бойся монстров,

которые прячутся в темноте,

бойся того,

что внутри тебя отзовётся на их зов.

Глава 1

Ева сидела на холодном полу ванной, привалившись плечом к стене. От выпитого комната слегка покачивалась, во рту стоял кислый привкус. Она смотрела на свои ноги и ждала, когда перестанет мутить, но стоило пошевелиться, как к тошноте прибавлялась боль в груди.

Она оттянула край блузки. На месте ожога вздулся пузырь, окружённый красной кожей. Ева наклонила голову, разглядывая его, и перед глазами снова появились мужские пальцы с зажатой сигаретой.

Он сделал это спокойно, почти буднично. Прижал горящий конец к её груди, а когда она вскрикнула и попыталась отстраниться, наклонился ближе.

— Тихо. Ты чего орёшь?

— Ты совсем охуел?!

— Ещё раз заорёшь — друзья проснутся.

Она смотрела на него, не сразу понимая, о чём он говорит.

— Какие друзья?

— В соседней комнате спят. Услышат тебя, придут сюда. Тогда будем трахать тебя все вместе. Они у меня церемониться не станут. Так что лучше закрой рот.

Ева замолчала, прислушиваясь к квартире. Она приехала к нему домой одна и не знала, сколько здесь комнат, кто ещё находится за закрытыми дверями и насколько серьёзно он собирается исполнить угрозу. Грудь жгло, хотелось выругаться, оттолкнуть его, но теперь каждый звук из коридора заставлял её напрягаться.

Он заметил это и усмехнулся.

— Вот так. Можешь же нормально себя вести.

Потом за стеной скрипнула дверь.

Ева резко повернула голову. Несколько секунд она слышала только шаги, а затем из коридора донёсся сонный женский голос:

— Что у тебя за шум в комнате? Ты время видел?

Он раздражённо оглянулся на дверь.

— Всё нормально, мам. Иди спать.

Ева медленно посмотрела на него.

Мам.

— Друзья, значит? — произнесла она.

— Да тише ты.

— Ты меня ими пугал?

— Ну а ты чего разоралась?

Он сказал это с такой уверенностью в собственной правоте, что она несколько мгновений просто смотрела на него. Потом опустила глаза на ожог.

Дальше в памяти стоял балкон.

Всего два часа назад она стояла за перилами его балкона, на узком выступе восьмого этажа, держалась обеими руками за ограждение и смотрела вниз. Пьяные мысли путались, возвращаясь к одному и тому же: прыгнуть или всё-таки вернуться в квартиру, где оставался этот человек.

Он стоял по другую сторону перил.

— Ева, давай обратно. Ну хватит.

Она повернула к нему лицо.

— Что теперь?

— Перелезай сюда. Поговорим нормально.

— Ты уже поговорил.

— Только не прыгай. Пожалуйста. Слышишь меня?

Теперь в его голосе появилась просьба. Он торопился, запинался, следил за каждым её движением. Ева смотрела на него, не двигаясь.

— Позови их, — сказала она.

— Кого?

— Друзей своих.

Он отвёл глаза.

— Перестань. Давай ты сейчас вернёшься сюда.

В ванной было тихо. Ева отпустила блузку, ткань задела ожог, и она сквозь зубы выругалась. Пришлось снова отвести её в сторону.

Она была у себя дома, а всё ещё слышала его голос.

«Можешь же нормально себя вести».

Тридцать семь лет. Холодный пол, пьяная голова, обожжённая грудь. Вот что осталось от очередного вечера.

Ей надоели клиенты — их руки, запахи, требования, привычка торговаться, а потом вести себя так, будто за уплаченные деньги им разрешалось всё. Надоело угадывать, кто окажется просто неприятным, а кто захочет развлечься её страхом.

Наркотики тоже надоели. Их приходилось искать, доставать, рассчитывать, сколько осталось. Алкоголь давно приносил ту же мутную тяжесть, в которой она сейчас едва удерживала мысль. Ева уже заранее знала вкус следующего утра.

— Как же меня всё заебало…

Она потёрла лицо ладонью и поморщилась. От собственной кожи пахло чужой сигаретой.

Хотелось денег. Столько, чтобы больше не приходилось ехать к незнакомому мужчине и прислушиваться к звукам в его квартире. Хотелось самой решать, кто может к ней прикоснуться, кого впустить, кому указать на дверь.

Ева снова посмотрела на грудь, и злость ненадолго сделала мысли яснее.

Пусть бы он тоже почувствовал эту боль. Пусть бы сидел сейчас на полу и вздрагивал от прикосновения одежды. Ей хотелось увидеть его лицо в ту секунду, когда он понял бы, что его просьбы никого не интересуют.

От этой мысли стало немного легче.

— Ненавижу тебя, — тихо произнесла она.

Затем подняла глаза, словно за стенами ванной находились все, кому она хотела это сказать.

— Всех вас ненавижу.

После её слов капля сорвалась с крана и ударилась о раковину. Ева машинально прислушалась, ожидая следующую, но звук не повторился.

Лампочка под потолком мигнула. По ногам потянуло ледяным сквозняком, и она поджала ступни, раздражённо подняв голову.

Свет выровнялся.

В ванной стоял мужчина.

Ева замерла, придерживая край блузки возле обожжённой груди. Она смотрела на него снизу вверх. Ни шагов, ни звука открывавшейся двери она не слышала.

Мужчина находился между ней и выходом. Очень высокий, около двух метров, широкоплечий, он занимал почти всё свободное пространство тесной ванной. На нём были чёрные брюки и рубашка, застёгнутая лишь на несколько нижних пуговиц. В раскрытом вороте виднелись татуировки, покрывавшие грудь и уходившие под ткань.

Ева невольно задержала на них взгляд. Незнакомые надписи тянулись вдоль ключиц, спускались к животу, перемежаясь со знаками, похожими на иероглифы. Такие же письмена виднелись на шее и предплечьях под закатанными рукавами.

Чёрные волосы были слегка взъерошены, на щеках и подбородке темнела короткая щетина. Он был красив — настолько, что Ева отметила это даже сквозь опьянение и боль. Тёмные глаза спокойно смотрели ей в лицо. Незнакомца ничуть не смущала сидящая перед ним на полу женщина.

Ева свела края блузки. Ткань задела ожог, и она поморщилась.

— Ты кто, блядь, такой?

Мужчина чуть наклонил голову, разглядывая её.

Она перевела взгляд на дверь за его спиной и снова посмотрела ему в лицо.

— Ты откуда здесь взялся? Какого хрена ты делаешь в моей ванной?

Он молчал. Это начинало бесить её сильнее самого вторжения.

Ева упёрлась ладонью в пол и выпрямила спину. Комната качнулась, к горлу подступила тошнота. Пришлось несколько секунд посидеть неподвижно.

Ещё один. Явился, встал над ней и смотрит.

— Выйди отсюда, — сказала она. — Ты слышишь меня?

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Что, смешно тебе? — Ева вскинула голову. — Пошёл нахер. Дверь у тебя за спиной. Разворачивайся и вали.

Она указала на выход, стараясь придать голосу твёрдость, хотя слова от выпитого звучали тяжело.

— Как же вы меня заебали, мужики… Даже домой припёрлись. Я тебя сюда не звала. Убирайся из моей квартиры.

Мужчина не двинулся в сторону двери. Вместо этого он сделал один медленный шаг навстречу.

Воздух в тесной ванной внезапно стал густым, вязким, словно перед разрушительной грозой, когда дышать становится физически тяжело. Ева инстинктивно вжалась лопатками в стену. И тут произошло то, что заставило её замереть: мутная пелена опьянения, подкатывающая тошнота и свинцовая слабость — всё то, что тянуло её к полу последние несколько часов, — испарились за долю секунды. Разум прояснился с пугающей, звенящей резкостью.

А затем её накрыло.

Это было не обычное, понятное ей желание. Это было тяжёлое, парализующее возбуждение, которое ударило по оголённым нервам с такой силой, что у неё перехватило дыхание. Оно казалось чужеродным, грязным и абсолютно неправильным, словно кто-то насильно влил в её вены раскалённый свинец. Еве стало по-настоящему страшно от того, как жадно и бесконтрольно её собственное тело отреагировало на одно лишь присутствие этого незнакомца.

Проигнорировав её маты и дрожащие пальцы, судорожно сжимающие края блузки, мужчина плавно опустился перед ней на корточки.

Ева открыла рот, чтобы снова послать его, попытаться ударить или оттолкнуть, но звук мёртвым комом застрял в горле.

Он протянул руку. Его движения были спокойными, почти ленивыми, но она не смогла заставить себя даже пошевелиться. Незнакомец властно отвёл ткань её блузки в сторону, полностью обнажая свежий ожог.

Едва его пальцы коснулись воспалённой, красной кожи, Ева судорожно выдохнула, подавшись вперёд. Его прикосновение было неестественно, мёртвенно ледяным. Этот обжигающий холод прошил её насквозь, но пульсирующая боль от ожога исчезла моментально, будто её стёрли из реальности.

Она ошеломлённо уставилась на его руку с проступающими из-под манжета чёрными узорами, а затем медленно, с трудом подняла глаза на его лицо. Весь её человеческий, приземлённый гнев рассыпался в прах, столкнувшись с чем-то древним и абсолютно нечеловеческим.

Иррациональный, первобытный трепет сковал её позвоночник, пока он продолжал немигающе смотреть ей в глаза, удерживая свои ледяные пальцы на её груди.

Он убрал руку, оставив Еву разглядывать место, которое ещё мгновение назад мучительно болело.

— Ты звала, Ева. Просто не знала, кто услышит.

Она подняла на него глаза.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Ты сейчас действительно хочешь спросить об этом?

Ева снова посмотрела на свою грудь, затем сжала края блузки.

— Я хочу знать, что, какого хрена, здесь происходит.

Он выслушал её с едва заметной улыбкой.

— Ты сказала, что тебе всё надоело. Люди, которым ты позволяешь слишком многое. Деньги, ради которых приходится к ним возвращаться. Собственная жизнь.

— И что?

— Я могу дать тебе возможность это изменить.

Она настороженно посмотрела на него.

— За что?

Улыбка стала отчётливее.

— Вот теперь мы можем поговорить. — Его голос понизился. — Но слова — это для людей, Ева. Нам с тобой нужно скрепить договор.

Он не дал ей времени на раздумья. Мужчина наклонился, властно перехватывая её затылок, и его губы накрыли её рот. Ева задохнулась. В этом поцелуе не было человеческого тепла — только обжигающий, первобытный холод, который парадоксальным образом распалил в ней дикий, неконтролируемый пожар. Она не понимала, что происходит: её тело, давно забывшее всё, кроме омерзительных, механических касаний клиентов, вдруг отозвалось с пугающей жадностью. Разум кричал об опасности, но она уже сама тянулась к нему, жадно отвечая на поцелуй и впиваясь пальцами в его плечи.

Он плавно, но неумолимо толкнул её спиной на холодный кафель, нависая сверху. Ева почувствовала пугающую, властную тяжесть его крупного тела, и это не вызвало привычного липкого страха. Наоборот, её накрыло такой плотной, густой волной животного возбуждения, что перед глазами поплыли тёмные пятна. Он раздвинул её колени, не оставляя путей для отступления, и властно присвоил её себе.

Когда он вошёл в неё, Ева выгнулась дугой от шока и пронзительного наслаждения. Это было глубокое, подавляющее вторжение, невероятно тяжёлое и абсолютно безжалостное. Он двигался быстро, жёстко, словно с каждым толчком вбивал в неё свою тёмную, пульсирующую силу, выжигая из её вен всю накопившуюся годами грязь, усталость и боль.

Она не могла дышать. Для неё секс давно стал лишь мерзкой работой, стёртой до автоматизма физиологией, где она не чувствовала ничего, кроме отвращения. Но сейчас её нервные окончания буквально взрывались. Каждое его движение, каждое касание его ледяных пальцев к её горячей коже попадало точно в цель, словно он наизусть знал скрытую карту её тела и каждую болевую точку превращал в эпицентр удовольствия.

Оргазмы обрушивались на неё один за другим — бесконечной, сокрушительной лавиной. Еву просто трясло. Она задыхалась, стонала, билась в его руках, полностью теряя контроль над собой. Ей было невыносимо, до безумия хорошо. Это было не просто физическое удовольствие, это была передача абсолютной власти через первобытный экстаз.

В момент её наивысшего пика, когда тело Евы свело судорогой от очередной, самой мощной волны, он ускорил ритм до предела. А затем резко сжал её бёдра, вдавливая в кафель, и глухо, по-звериному зарычал ей прямо на ухо. Его хриплый, раскалённый выдох обжёг её шею.

Он тяжело навалился на неё, крепко прижимая к себе её дрожащее, обессиленное тело, и произнёс низким, вибрирующим шёпотом:

— Вот и подписали.

Ева всё ещё пыталась восстановить дыхание, когда мужчина поднялся на ноги. Он поправил расстёгнутую рубашку. Его лицо вновь стало спокойным.

— Договор скреплён, Ева. Теперь ты принадлежишь мне.

Она опёрлась ладонью о кафель и с трудом села, прислонившись спиной к стене. Под кожей оставалось странное ощущение чужого присутствия.

— Что значит — принадлежу?

Голос прозвучал хрипло. Она сглотнула, крепче придерживая блузку на груди.

— Ты вообще о чём? Я ничего тебе не должна.

Мужчина усмехнулся.

— Уже должна.

— С какой стати?

— Ты будешь работать на меня.

Ева несколько секунд смотрела на него, затем коротко, зло рассмеялась.

— Ты охуел? Пришёл ко мне домой и решил, что можешь здесь распоряжаться?

Он выслушал её, даже не изменившись в лице.

— Могу, Ева. Твоя служба — условие договора. Исполнять его придётся независимо от того, нравится тебе это или нет.

Она хотела ответить, но он продолжил:

— Твоя жизнь, твои желания, сила, которую ты получила, — всё это теперь в моей власти.

Ева замолчала. Пока он говорил, она смотрела на надписи, уходившие под края рубашки. Ей показалось, что один из знаков на его груди дрогнул, словно чернила на мгновение ожили. Она моргнула, стараясь рассмотреть его внимательнее.

Ева злилась, но теперь боялась сделать лишнее движение. Она не знала, на что он способен и сможет ли она ему помешать.

— Кто ты такой?

Он смотрел ей прямо в глаза.

— Только сейчас решила спросить?

Ева стиснула зубы. Его спокойствие становилось невыносимым.

— Я спрашиваю, кто ты. Как тебя зовут?

Мужчина отступил ближе к двери, и его лицо оказалось в тени.

— Адаваш.

Имя отозвалось в её ушах тонким звоном. Ева вздрогнула и сильнее прижалась спиной к стене.

Он заметил её движение. На губах снова появилась та же уверенная усмешка.

— Я демон. А ты, Ева, теперь моя рабыня.

Ева несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, смеётся он над ней или говорит всерьёз.

Она криво усмехнулась, хотя пальцы, судорожно сжимающие края блузки, всё ещё предательски дрожали.

— В игры я с тобой играть не собираюсь, — хрипло бросила она. Опираясь о стену, Ева медленно поднялась на ноги. — Если ты очередной больной ублюдок или сутенёр, который решил подмять меня под себя таким изощрённым способом, то ни хрена у тебя не выйдет. Ищи дур помоложе. Я для сутенёров уже старовата.

Адаваш даже не шелохнулся. В его тёмных глазах мелькнула снисходительная насмешка.

Он плавно шагнул к ней, вторгаясь в её личное пространство. От его близости по коже Евы снова пробежал ледяной озноб, неразрывно связанный с тем самым тянущим, тёмным возбуждением внизу живота.

— Ты всю жизнь хотела иметь то, что принадлежит другим, Ева, — произнёс он мягко. — Ты смотрела на чужую власть, чужие деньги, чужую свободу и ненавидела их за это. Теперь ты будешь всё это иметь.

Ева ждала, что он назовёт цену. Но Адаваш замолчал.

Он медленно, почти ласково провёл тыльной стороной ледяных пальцев по её щеке, заставив Еву невольно задержать дыхание, а затем отстранился.

— Условия мы обсудим позже. — Его голос отдалялся, силуэт растворялся в тенях ванной. — А пока… просто поживи своей новой жизнью. Иди и посмотри, что именно я тебе дал.

Свет под потолком мигнул. Ева зажмурилась на долю секунды, а когда открыла глаза, ванная оказалась пуста. Ни хлопка двери, ни шагов в коридоре. В воздухе стоял тяжёлый запах мужского парфюма и озона.

Утром Ева некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Сквозь грязные жалюзи пробивался солнечный свет, полосами ложился на плед, на её руки. Голова была непривычно ясной. Даже когда она села и спустила ноги с кровати, комната осталась на месте, а к горлу не подступила тошнота.

Ева провела ладонью по лицу, затем потянулась к груди. Вчерашний ожог она вспомнила раньше, чем пальцы коснулись кожи, и заранее поморщилась.

Боли не было.

Она осторожно ощупала это место, отодвинула ткань и посмотрела вниз. Потом встала и быстро прошла в ванную.

Под ярким светом кожа выглядела совершенно обычной. Ева приблизилась к зеркалу, повернулась боком, нажала пальцем там, где ещё вчера вздулся пузырь. Отпустила и проверила снова.

Ожог исчез.

Она подняла взгляд на своё отражение и застыла.

Лицо выглядело свежим, словно ей наконец удалось хорошо выспаться. Пропала серая усталость, к которой Ева успела привыкнуть; тени под глазами стали почти незаметными. Она наклонилась ближе, рассматривая кожу, затем выпрямилась.

— Какого хрена…

Ночь вспоминалась отдельными подробностями: расстёгнутая рубашка, надписи на коже, тёмные глаза. Имя, которое она отчётливо помнила.

Адаваш.

Спустя два часа Ева сидела в душном коридоре паспортного стола.

Документы у неё украли давно. С тех пор она ходила по кабинетам, стояла в очередях, приносила справки и всякий раз узнавала, что нужно что-то ещё. Терпения обычно хватало ненадолго: Ева повышала голос, сотрудники отвечали тем же, и всё заканчивалось ссорой.

Сегодня ей хотелось хотя бы выяснить, куда снова идти.

Когда подошла её очередь, она вошла в кабинет и остановилась возле стула. За столом сидел грузный мужчина с недовольным лицом. Ворот рубашки тесно облегал его шею; рядом с клавиатурой лежал сложенный платок.

— Женщина, приём по талонам, — буркнул он, продолжая смотреть в монитор.

— У меня талон.

Ева положила бумажку перед ним и села.

Он скользнул по ней глазами.

— По какому вопросу?

— Восстановление паспорта. Я уже приходила. Мне сказали, что нужно ещё раз проверить данные.

— Если вам сказали ждать, значит, нужно ждать.

Знакомое раздражение шевельнулось внутри, но ссориться прямо сейчас почему-то не хотелось. Ева посмотрела на него и устало спросила:

— Вы хотя бы послушаете, что мне сказали? Я ещё объяснить ничего не успела.

Мужчина наконец оторвался от монитора.

И замолчал.

Она ждала замечания о своём тоне, уже собиралась ответить, но он продолжал смотреть на неё. Его взгляд задержался на лице, скользнул к губам, затем снова поднялся к глазам.

Ева чуть приподняла брови.

— Так мне рассказывать?

— Да. Конечно. Слушаю вас.

Перемена была настолько неожиданной, что она на мгновение сбилась.

— У меня украли документы. Заявление я подала. Потом меня отправили сюда, отсюда — за справкой. Когда я её принесла, оказалось, что этого недостаточно.

Он придвинулся к столу и положил пальцы на клавиатуру.

— Фамилию назовите.

Ева назвала фамилию. Он начал искать, время от времени поглядывая на неё. Рассказывая о прежних посещениях, она запуталась в последовательности и раздражённо махнула рукой.

— В общем, я уже сама ничего не понимаю. Мне каждый раз говорят разное.

— Сейчас разберёмся, — быстро ответил он.

Он открывал записи, что-то проверял, возвращался к её заявлению. Когда Ева замолчала, сразу поднял голову.

— Тут, видите ли, сведения ещё не подтянулись, — начал он. — По регламенту нам необходимо…

Ева откинулась на спинку стула.

— И мне опять приходить?

Она спросила это без особой надежды. Мужчина посмотрел на неё, сглотнул и потянулся к телефону.

— Подождите. Возможно, получится решить сейчас.

Он набрал номер, попросил соединить с архивом. Сначала говорил терпеливо, затем нахмурился.

— Заявление давно подано. Посмотрите ещё раз… Да, сейчас. Человек здесь сидит.

Закончив разговор с архивом, он набрал другой номер и прикрыл трубку ладонью:

— Ещё несколько минут.

— Я подожду.

Он улыбнулся так благодарно, будто это она делала ему одолжение.

Ева опустила глаза на свои руки. Пальцы спокойно лежали на коленях. Она вспомнила, как в прошлый раз вышла отсюда, хлопнув дверью, и невольно усмехнулась.

— Что-то не так? — сразу спросил мужчина.

Она подняла голову.

— Нет. Всё нормально.

— Мы сейчас закончим.

Ева кивнула, уже опасаясь лишним словом испортить эту неожиданную перемену.

Минут через десять он положил трубку, взял платок и промокнул лоб.

— Ну что, Ева Витальевна, с проверкой разобрались. Дополнительно по этому вопросу ходить не понадобится. Вам позвонят или пришлют сообщение, когда паспорт будет готов.

Она не сразу ответила.

— То есть от меня больше ничего не нужно?

— На данный момент — нет.

— И заявление приняли? Оно теперь в работе?

— Да, всё в работе. Мы ускорили.

Ева ещё несколько секунд смотрела на него, ожидая продолжения — какого-нибудь уточнения, после которого всё снова окажется бесполезным.

Мужчина улыбался.

Она медленно поднялась со стула.

— Благодарю.

— Всего доброго, Ева Витальевна.

Даже по имени-отчеству её здесь прежде почти не называли.

Ева забрала со стола талон и вышла. На улице остановилась и вдохнула прохладный воздух.

Она вытащила из кармана оставшийся талон, посмотрела на номер и неожиданно рассмеялась.

После всех этих хождений, ругани и унизительных возвращений — получилось за десять минут.

В памяти возник голос Адаваша: «Иди и посмотри, что именно я тебе дал».

Ева перестала смеяться.

Она ещё немного посмотрела на талон и сунула его в карман.

Ей хотелось, чтобы с ней так обращались снова.

Магазин, где она обычно покупала сигареты, был в нескольких минутах ходьбы. Ева направилась к знакомой вывеске.

Здесь работала женщина, которая хорошего настроения для Евы не находила никогда.

Едва завидев её у прилавка, продавщица поджимала губы. Пачку обычно бросала рядом с кассой, сдачу высыпала так, что монеты приходилось собирать. На вопросы отвечала сквозь зубы, а иногда позволяла себе замечания, после которых Ева уходила, кипя от злости.

Продавщица знала, чем она зарабатывала. В этом районе охотно обсуждали чужую жизнь, добавляя выдумки, а та верила всему, что слышала о Еве.

Ева замедлила шаг возле входа.

Вот здесь можно было проверить.

Она ещё не представляла, что именно собирается делать. Просто войти. Купить сигареты. Посмотреть, как с ней заговорят.

К двери одновременно с ней подошёл мужчина с пакетом. Он уже взялся за ручку, но, заметив Еву, отступил и придержал дверь.

— Проходите.

— Спасибо.

Ева улыбнулась ему и прошла к кассе.

Продавщица стояла за прилавком, поправляя что-то возле терминала. Услышав шаги, подняла голову.

Ева встретилась с ней взглядом.

— Добрый день. Дайте, пожалуйста, мои сигареты.

Она назвала марку.

Продавщица посмотрела на неё чуть дольше обычного, затем повернулась к стойке.

— Добрый день. Сейчас.

Женщина достала пачку и аккуратно положила её перед ней.

— Вот, пожалуйста.

На мгновение Еве захотелось оглянуться: вдруг за её спиной стоял кто-то ещё и эта любезность предназначалась ему?

Но продавщица смотрела именно на неё.

Ева расплатилась. Пока женщина отсчитывала сдачу, она разглядывала её знакомое лицо, пытаясь уловить насмешку. Те же тонкие губы, та же складка между бровями. Только теперь выражение было внимательным, почти приветливым.

Монеты легли ей прямо в ладонь.

— Пожалуйста.

Ева убрала сдачу, взяла сигареты.

— Спасибо. Хорошего вам дня.

— И вам хорошего дня, — ответила продавщица и улыбнулась.

Вот тогда Ева по-настоящему насторожилась.

Она отошла от кассы, всё ещё ожидая, что продавщица окликнет её и скажет что-нибудь привычное. Но та уже повернулась к следующему покупателю.

Женщина у соседнего стеллажа повернула голову ей вслед. Мужчина, выбиравший что-то возле холодильника, замер с рукой на дверце. Ева скользнула по нему взглядом, и он улыбнулся.

У выхода ей встретилась покупательница с сумкой. Они почти одновременно подошли к двери, но женщина сразу посторонилась.

— Проходите, проходите.

— Благодарю.

На улице Ева остановилась и провела большим пальцем по упаковке сигарет.

В стекле витрины отражалась она сама — свежая, непривычно хорошо выглядевшая, с растерянной улыбкой.

Раньше на неё тоже смотрели. Но сейчас люди словно искали повод задержать её рядом, предложить что-нибудь, услужить.

Она выпрямилась.

Ева опустила глаза на сигареты и тихо усмехнулась.

Если всё это было его подарком, она была благодарна.

Теперь предстояло выяснить, насколько далеко она сможет зайти и что ещё сумеет получить.

Она убрала пачку и пошла дальше.

Отказываться от этого она не собиралась.

Глава 2

Чужие чувства

К вечеру Ева несколько раз открывала шкаф, хотя прекрасно знала, что в нём висит. В конце концов достала чёрное платье, встряхнула его и положила на кровать. Пока сохли волосы, нашла колготки без затяжек, проверила содержимое сумки и пересчитала деньги.

Обычно уже во время сборов начинало портиться настроение: впереди были часы у дороги, чужие машины, разговоры, которые хотелось закончить прежде, чем они начинались. Сегодня привычного раздражения не было. На столе оставалась бутылка. Она скользнула по ней взглядом, но наливать не стала.

Перед зеркалом пришлось задержаться. Платье сидело как прежде, волосы лежали на плечах, помада была той же самой. И всё-таки Ева нравилась себе настолько, что несколько раз поворачивала голову, рассматривая лицо при разном освещении.

Она провела пальцами по груди, где вчера был ожог, затем убрала руку. Вспоминать ванную не хотелось: вместе с лицом Адаваша в памяти возникали его слова о том, кому она теперь принадлежит. Ева взяла сумку и вышла.

На проспекте уже зажглись фонари. Витрины ещё светились, у остановки собирались люди, из открытой двери небольшого кафе доносились музыка и запах жареного мяса. Ева заняла привычное место неподалёку от закрытого павильона. Достала сигарету, прикрыла ладонью огонёк зажигалки и посмотрела на поток машин.

Первую машину она пропустила, даже не повернув головы вслед. Вторая проехала мимо, затормозила и через несколько секунд медленно сдала назад, остановившись возле неё. Ева узнала водителя ещё до того, как опустилось стекло. Он появлялся здесь время от времени, разглядывал женщин, иногда останавливался поговорить. Несколько раз Ева сама подходила к его машине, но он смотрел мимо неё. Сегодня он смотрел только на неё.

— Добрый вечер.

— Добрый, — ответила Ева, вынув сигарету изо рта.

— Ты сейчас свободна? — спросил он с неуверенной улыбкой. На нём была светлая рубашка, на запястье блестели часы.

— Пока да.

— Поедешь со мной?

Она чуть наклонилась к открытому окну и назвала цену. Раньше после этого почти всегда возникала пауза, в которой мужчина решал, сколько можно сбить. Этот кивнул сразу.

— Хорошо. Только я хотел бы в гостиницу. Ты не против?

— В гостиницу дороже, — сказала Ева, посмотрев на него внимательнее.

— Я понимаю.

— И номер оплачиваешь ты.

— Конечно. — Она ждала продолжения, но он уже убрал с пассажирского сиденья небольшую сумку и потянулся открыть дверь. — Садись, пожалуйста.

Ева затушила сигарету и села. В салоне пахло кожей и мятной жевательной резинкой. Мужчина спросил, не холодно ли ей, затем убавил музыку, хотя она ещё ничего не сказала. Когда машина тронулась, Ева устроила сумку на коленях и повернулась к нему.

— Ты ведь раньше меня видел.

— Здесь? — Он быстро посмотрел на неё.

— Здесь.

— Наверное.

— Не наверное. Видел, — произнесла она спокойно, без обычной язвительности. Еве было любопытно.

— Значит, дурак был, — сказал мужчина, проведя ладонью по рулю.

Она чуть улыбнулась. Он заметил её улыбку и расслабился. Ева отвернулась к окну, но всё ещё чувствовала его облегчение — тёплое, почти приятное. Он боялся, что обидел её, а теперь обрадовался, словно её улыбка значила куда больше оплаченных двух часов.

На следующем светофоре перед ними замешкалась машина. Мужчина слегка подался вперёд, пальцы крепче сжали руль, и Еву внезапно кольнуло раздражение: захотелось, чтобы водитель впереди немедленно убрался с дороги. Нелепое, несоразмерное желание возникло с такой отчётливостью, что она нахмурилась, хотя сама никуда не спешила.

— Что-то не так? — спросил мужчина. Ева повернулась к нему. Он уже смотрел на неё, обеспокоенно приподняв брови.

— Нет.

— Если тебе не нравится гостиница, можем выбрать другую.

— Я её ещё не видела.

— Да, верно. — Он неловко усмехнулся и снова посмотрел на дорогу. Раздражение исчезло. Вместо него Ева ощутила короткое смущение, от которого захотелось отвернуться, хотя смущаться ей самой было совершенно нечего.

До гостиницы оставалось несколько кварталов. Всё это время мужчина рассказывал что-то о парковке, спрашивал, какую музыку она любит, предлагал купить воды. Ева отвечала коротко и наблюдала. По голосу и суетливым попыткам угодить Ева и без того поняла бы, как ему хочется понравиться. Но теперь его ожидание одобрения ощущалось в ней самой.

В номере было тепло. У стены стояло широкое кресло, возле кровати горела лампа под кремовым абажуром. Мужчина поставил на стол бутылку воды, которую всё-таки купил у стойки администратора, и повернулся к Еве.

— Тебе здесь нравится?

— Нормально, — ответила она, оглядевшись. Сняв пальто, Ева положила сумку на кресло и протянула руку. — Сначала деньги.

— Да, конечно. Извини. — Он достал бумажник и отсчитал купюры. Ева пересчитала их ещё раз.

— Мы договаривались на другую сумму.

— Знаю.

— Тогда за что остальное?

— Просто возьми. — Мужчина пожал плечами, стараясь придать этому жесту непринуждённость.

— Если ты сейчас решил доплатить за что-то, о чём мы не говорили, лучше сразу скажи. — Ева не убирала деньги.

— Нет. Ничего такого, — ответил он быстро, почти испуганно. — Я хочу, чтобы тебе тоже было хорошо. Купишь себе что-нибудь.

Ева посмотрела ему в глаза. За щедростью не пряталось отложенного требования. Он представлял, как она обрадуется. Как улыбнётся ему. Как сочтёт его лучше тех, с кем была прежде.

И вдруг Ева на мгновение увидела собственное лицо — совсем близко, с мягкой улыбкой, обращённой к нему. Она моргнула: мужчина стоял перед ней, держа раскрытый бумажник. Никакого зеркала между ними не было.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — ответила Ева, опустив глаза на купюры, и убрала деньги в сумку. Он подошёл не сразу.

— Можно?

Ева посмотрела на его руку, остановившуюся возле её плеча, и кивнула. Когда он коснулся её, чужое желание стало настолько ощутимым, что она на секунду задержала дыхание. Перед глазами мелькнул ещё один образ — её голые плечи на светлой подушке. Он возник резко, без всякого перехода, и исчез, оставив после себя горячее нетерпение. Мужчина ещё только касался её плеча. Ева стояла неподвижно и смотрела ему в лицо.

— Ты чего? — спросил он тихо. — Не хочешь? — Он сразу убрал руку.

— Всё нормально, — ответила она. — Просто не торопись.

— Хорошо. — И вместе с этим словом её накрыло его облегчение. Чувства менялись вслед за ним, откликались на её слова прежде, чем он успевал ответить. Она словно находилась слишком близко к чему-то, что обычно оставалось скрытым за чужим лицом.

Ева протянула руку и сама коснулась его щеки. Он прикрыл глаза. Удовольствие от этого простого прикосновения разлилось внутри неё так отчётливо, что она невольно улыбнулась.

Позже Ева лежала, глядя на край светлого абажура, и прислушивалась к себе. Мужчина рядом постепенно успокаивался. Его дыхание выровнялось, движения стали медленными и ленивыми. Он поглаживал её руку, время от времени пытаясь поймать её взгляд.

А у неё внутри ничего не затихало. Во время близости привычная граница между её ощущениями и его переживаниями вдруг исчезла. Она чувствовала собственное удовольствие и одновременно получала ещё одно — чужое, отличавшееся от её собственного, но от этого не менее настоящее. Когда его восторг усиливался, в ней тоже что-то поднималось ему навстречу, наполняя всё тело. Ева медленно согнула пальцы, затем провела ладонью по простыне. Ткань казалась прохладной и удивительно приятной. Ей хотелось встать, пройтись, открыть окно, что-нибудь сделать с этой непривычной полнотой ощущений.

— О чём думаешь? — спросил мужчина.

— Ни о чём.

— Тебе было хорошо?

Она повернула голову. Он ждал. Ева ощутила его тревогу и почти сразу поняла, какой ответ ему нужен. Хотелось услышать, что она была с ним по-настоящему, что деньги не имели значения, что он сумел получить от неё нечто особенное.

— Да, — сказала она. Он улыбнулся, а Еве стало ещё немного лучше. Мужчина заговорил о том, что давно не чувствовал себя так спокойно. Потом вспомнил работу, человека, с которым никак не мог договориться, и в его речи появилось раздражение.

— Он считает, что без него никто ничего не умеет, — сказал он. — Стоит кому-нибудь сделать что-то нормально, сразу начинает искать, к чему придраться.

Перед Евой мелькнуло незнакомое лицо: мужчина в очках, сидящий за столом. Следом пришла такая острая неприязнь, что у неё напряглась челюсть. Она смотрела на клиента, продолжавшего говорить, и уже знала: дело было не только в придирках. Его мучило чужое положение, лёгкость, с которой тот распоряжался людьми, уверенность, которую самому приходилось изображать. Ева слушала, чувствуя его неприязнь и зависть.

— Тебе скучно? — вдруг спросил он.

— Почему? — Она чуть приподняла брови.

— Я опять про работу. Извини. Не хочу тебя этим грузить. — Он потянулся к бутылке воды, открутил крышку и подал ей.

— И что он тебе сделал? — спросила Ева, сделав несколько глотков и вернув бутылку.

Мужчина снова заговорил, а Ева устроилась удобнее: теперь ей было любопытно, сколько ещё она сумеет почувствовать.

Когда прошло два часа, он несколько раз посмотрел на часы, прежде чем решился спросить:

— Тебе уже нужно?

— Да. — Ева села и потянулась за платьем.

— Я отвезу.

Пока она одевалась, он поправил покрывало, подал ей серьгу, затерявшуюся у подушки, предложил заказать еду. Ева отказалась. Он сразу согласился, хотя разочарование от её ответа осталось ощутимым. У двери мужчина задержался.

— А я тебе позвоню.

— Позвони. — Она посмотрела на него.

— Ты номер оставишь?

Ева продиктовала. Он сохранил его и почти сразу набрал, чтобы у неё тоже остался его телефон. На улице он придержал перед ней дверцу машины. Ева села, наблюдая, как он обходит капот.

Чем сильнее он хотел снова её увидеть, тем меньше ей самой хотелось его возвращения. Она уже знала его нетерпение и зависть к человеку в очках, знала, как отчаянно он ждал похвалы. При этом всё полученное от него было приятно. Ева откинулась на сиденье и закрыла глаза.

— Устала? — спросил он.

— Нет.

На проспекте он высадил её неохотно.

— Может, всё-таки домой?

— Мне ещё нужно поработать.

— Тогда я позвоню, — сказал мужчина, помолчав и кивнув.

— Хорошо.

Она закрыла дверь и отошла от машины, не дожидаясь, пока он уедет. Второй остановился минут через двадцать. Ева видела его раньше, хотя к ней он никогда не подходил. Теперь он сам вышел из машины, поздоровался и спросил цену, глядя ей в лицо. Он был моложе первого и гораздо разговорчивее. Пока они договаривались, улыбался, потом вдруг смутился и признался:

— Я тебя здесь замечал.

— И что же? — Ева чуть склонила голову.

— Не знаю. Почему-то не подъезжал.

— А сегодня решил?

— Сегодня решил.

Ей снова стало смешно. Он улыбнулся в ответ, обрадовавшись её реакции. Этот тоже старался угодить, но чувствовался иначе. В нём было больше волнения, чем уверенности, и желание смешивалось с опасением сделать что-нибудь не так. Он прислушивался к её ответам, а когда Ева рассмеялась его шутке, так искренне обрадовался, что она ощутила эту радость почти одновременно с ним.

Позже между ними возникла тихая пауза. Мужчина лежал рядом, осторожно касаясь её пальцев, и ничего не требовал. От него шло неожиданное тепло. Ева повернула голову, пытаясь понять, чего он хочет теперь. Но ему просто нравилось быть рядом. Его нежность входила в неё так же свободно, как прежде входили чужая зависть и нетерпение. Сама Ева не испытывала ответной нежности, но отпускать его руку сразу не стала.

— Ты всегда такая? — спросил он.

— Какая?

— Не знаю, как объяснить. — Он поискал слово и смущённо улыбнулся.

— Тогда не объясняй, — сказала Ева, проведя большим пальцем по его ладони.

Он замолчал, продолжая смотреть на неё. Ей нравилось, как легко можно вызвать улыбку, успокоить, заставить ждать следующего прикосновения. Она почти ничего не делала, а человек рядом всё сильнее хотел остаться.

Когда пришло время уходить, он тоже попросил номер. Ева продиктовала его и поймала себя на том, что уже думает о другом. Чужое удовольствие, раздражение, радость, короткая нежность — всё сохранялось внутри, утратив привязку к лицам, но не силу. Ева чувствовала себя сытой совершенно незнакомым ей образом.

И всё равно, заметив, как мужчина у выхода из гостиницы задержал на ней взгляд, невольно посмотрела в ответ. Его интерес отозвался новым приятным теплом.

Домой она поехала на такси. Возвращаться на проспект не хотелось. Еве нужно было побыть одной и разобраться в новых ощущениях. Усталости не было. Тело казалось отдохнувшим, лёгким, готовым к движению. Только внутри сохранялось такое множество чувств, что собственное настроение становилось трудно определить.

У подъезда Ева расплатилась и постояла на прохладном воздухе, надеясь, что ощущения немного улягутся. Но ничего не изменилось. В квартире было тихо. Ева включила свет, сняла пальто и туфли, прошла в комнату. Высыпала деньги на кровать, пересчитала, отделила плату от того, что получила сверх договорённости.

Сумма ей понравилась. Спрятав купюры, Ева подошла к зеркалу. Ещё вчера ей пришлось бы думать, сколько она выдержит, а сегодня она думала о том, сколько ещё могла бы получить.

Ева посмотрела в сторону ванной. «Иди и посмотри, что именно я тебе дал». Она села на край кровати и стянула колготки. Хотелось увидеть Адаваша: он знал, что с ней происходит. Она услышала его прежде, чем увидела.

— И долго ты собираешься трахаться с мужиками за бабки?

Она резко подняла голову. Адаваш стоял в дверном проёме, чуть склонив голову к плечу. Чёрная рубашка была расстёгнута у горла; над воротом виднелись знакомые знаки. Он смотрел на неё с насмешливым любопытством, словно некоторое время наблюдал и теперь решил вмешаться. Ева невольно выпрямилась. Услышав его голос, она пожалела, что не успела хотя бы придумать, с чего начать разговор.

— Ты всегда будешь появляться без стука?

— А ты всегда будешь отвечать вопросом, когда тебе нечего сказать? — Он вошёл в комнату. Ева следила за ним, чувствуя, как накопленное за вечер снова пришло в движение. Адаваш задержал на ней взгляд. — Хорошо поработала?

— Не жалуюсь.

— Ещё бы. Тебе сегодня даже заплатили больше, чем ты попросила.

— Ты следил за мной? — Ева прищурилась.

— И это всё, до чего ты додумалась? Выйти на прежнее место, залезть в чужую машину и порадоваться лишним купюрам? — Он усмехнулся, не удостоив вопрос ответом.

— Мне нужны деньги.

— Тебе всегда были нужны деньги. Только теперь у тебя есть возможности, которых вчера не было. А ты распоряжаешься ими так, будто всё, что я сделал, — немного поднял тебе цену.

Эти слова задели её сильнее, чем хотелось показать. Ева поднялась с кровати.

— Я вообще не знаю, что ты сделал. Ты исчез, ничего не объяснив. Сегодня люди ведут себя так, будто…

— Будто хотят тебе понравиться? — закончил он. — Ты заметила. Уже неплохо.

— Я чувствую их. — Адаваш молчал, позволяя ей продолжить. Ева сжала пальцы, подбирая слова. — Даже когда они ничего не говорят. Я знаю, чего они хотят, из-за чего злятся.

Иногда вижу какие-то лица, хотя никогда этих людей не встречала. И всё это потом остаётся во мне.

— Остаётся. — Его взгляд медленно прошёл по её лицу.

— И что мне с этим делать?

— Для начала перестать думать только о том, сколько стоит очередной час.

— А о чём мне думать? О вечном? — Ева коротко рассмеялась.

— О том, что люди готовы сделать ради твоего расположения. — Он приблизился. Она осталась на месте, хотя теперь приходилось чуть запрокидывать голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Я уже видела.

— Нет, Ева. Ты видела мужчину, который снял номер и дал тебе немного больше денег. А потом сама вернулась к дороге. — Ева отвернулась. Собственное довольство вдруг показалось мелким, почти смешным.

— Если ты пришёл объяснить, объясняй. Если поиздеваться, то я уже поняла.

— Не будь дурой, блядь. Пользуйся тем, что у тебя есть. — Он произнёс это без раздражения, и оттого грубость прозвучала ещё неприятнее. — Ты умеешь получать своё, — продолжил Адаваш. — Когда тебе нужно, у тебя прекрасно работает голова. Особенно если приходится отнять у кого-то кусок пожирнее.

— Ты о чём? — спросила Ева, насторожившись.

— О твоих подругах, например. — Уголок его рта дрогнул.

Она замолчала. Адаваш чуть наклонился к ней, рассматривая её с откровенным удовольствием.

— Что? Уже не так хочется задавать вопросы?

— При чём здесь мои подруги?

— Ты ведь очень заботилась о здоровье клиентов. Предупреждала, к кому лучше не ходить.

— Не понимаю, о чём ты. — Ева почувствовала, как напряглись плечи.

— Понимаешь. «Эту не бери, у неё триппер». Хорошее предупреждение. Участливое. Особенно когда сама стоишь рядом и готова сесть в машину вместо неё.

Она смотрела на него, уже не пытаясь скрыть злость. Он знал.

— Они тоже обо мне говорили, — ответила Ева.

— Конечно.

— Ты не знаешь, что там было. — Адаваш улыбнулся, и она осеклась.

— Знаю достаточно, чтобы не слушать, как ты сейчас сделаешь себя обиженной, — произнёс он. — Ты говорила это, чтобы выбрали тебя. Чтобы деньги получила ты. А потом могла подойти к той же женщине и спокойно с ней разговаривать.

— И что?

Он выпрямился. Ева почувствовала злое облегчение. Оправдываться перед ним было противно.

— Ну говорила. Мне теперь перед тобой поплакать?

— Вот теперь узнаю. — Адаваш негромко рассмеялся.

— Да пошёл ты.

— А то сидишь, рассказываешь мне, какие у тебя странные ощущения. Ты сегодня понравилась людям, которые раньше смотрели сквозь тебя. И тебе понравилось, как они стараются. Очень понравилось. — Она не ответила. — Ты смотрела, как взрослый мужчина ждёт твоей улыбки, и думала, что ещё можешь от него получить. Так получай.

— Ты предлагаешь мне что?

— Перестать притворяться, будто тебе нужно разрешение. — Он сделал паузу и добавил уже жёстче: — Ты коварная, блядь. Вот и будь коварной дальше. Только теперь тебе не обязательно шептать клиенту про чужой триппер, чтобы он выбрал тебя.

— А ты чего хочешь? — спросила Ева, подойдя к окну.

— Ты уже спрашивала.

— И ты не ответил.

— Обязательно отвечу. — Он приблизился сзади, остановившись достаточно близко, чтобы она увидела его отражение в тёмном оконном стекле.

— Удобно устроился. Пришёл, сделал со мной неизвестно что, а теперь ещё рассказываешь, как мне жить. — Ева повернулась к нему.

— Тебе не понравилось?

Она открыла рот и замолчала. Адаваш ждал, не помогая ей выбрать ответ. Ей понравилось, и возвращать полученное она не собиралась.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь.

— Переживёшь. — Ева стиснула зубы. — Или ты решила, что теперь станешь нормальной? Получишь красивую жизнь, и всё, что ты делала раньше, куда-нибудь денется?

— Я тебе этого не говорила.

— А я тебе говорю: не денется. Ты останешься той же корыстной бабой, Ева. Просто сможешь позволить себе больше.

— Ты так говоришь, будто тебе это не нравится. — Она выдержала его взгляд.

— Мне как раз нравится. Поэтому я здесь. — Улыбка Адаваша стала шире.

Закончив говорить, Адаваш подошёл к кровати и по-хозяйски опустился на край. Ева следила за ним, постепенно замечая, каким густым и тяжёлым стал воздух в комнате. Он не сводил с неё тёмного, непроницаемого взгляда. Мужчина небрежно расстегнул ремень, властно развёл колени и произнёс голосом, не терпящим возражений:

— Снимай свои трусики и садись на меня. Мне нужно забрать то, что ты сегодня получила.

Ева хотела огрызнуться. Хотела сказать, что она не батарейка для его нужд. Но едва эти слова сорвались с его губ, её тело предало её. Чужие желания, зависть, раздражение, радость и нежность, которые она собрала за день, упиваясь своей властью, вдруг вскипели под кожей. Это был не просто приказ — это был зов крови, которому её новая сущность не могла и не хотела сопротивляться. Дикое, пульсирующее желание ударило в голову, вымывая все мысли. Она хотела его. Прямо сейчас. До одури.

Словно в трансе, она шагнула к нему, сбросила на пол кружево и, тяжело дыша, опустилась на него сверху. Едва он проник в неё, Ева запрокинула голову и закричала. Это не было похоже на обычный человеческий экстаз. Оргазм разорвался внутри неё сверхновой звездой в ту же секунду. Он мгновенно затопил не только низ живота — он прошил её насквозь. Нервные окончания, казалось, искрили под кожей. Каждый пальчик, каждый сантиметр её тела вопил от невыносимого, парализующего удовольствия.

Адаваш жёстко перехватил её за бёдра, задавая свой, безжалостный ритм. Он выкачивал из неё энергию, жадно выпивая чужую похоть и страх, которые она собрала за день. Ева стонала, билась в его руках, теряя связь с реальностью, а он наклонился к самому её уху.

— Моя сучка, — горячо выдохнул он, и его хриплый шёпот обжигал кожу. — Моя рабыня. Отдай мне всё.

Эти грязные, порочные слова, сказанные с абсолютной демонической властью, били по оголённым нервам сильнее любого прикосновения. От них её возбуждение взлетело на немыслимый пик. Новый приступ оргазма ударил с такой сокрушительной силой, что перед глазами Евы потемнело. Адаваш властно прижал её к себе, вжимаясь так глубоко, словно хотел достать до самой души, и с глухим, звериным рыком дошёл до пика вместе с ней.

Ева обмякла на его груди, судорожно глотая воздух. Тело всё ещё мелко дрожало от остаточных волн наслаждения. Когда она, пошатываясь, слезла с него и встала на ноги, её внезапно накрыла звенящая пустота. Она больше не чувствовала чужого раздражения, нежности, нетерпения. На мгновение показалось, что он забрал вообще всё.

Адаваш откинулся на спинку кровати, глядя на неё. В его глазах светилось сытое, демоническое удовлетворение.

— Умничка, — произнёс он с циничной, но обволакивающей хрипотцой. — Ты сегодня очень хорошо поработала.

— Что ты со мной сделал?

— Забрал то, за чем пришёл.

— А моя сила?

— Осталась при тебе. Завтра сама убедишься. — Он усмехнулся.

— И так будет каждый раз? — Она внимательно посмотрела на него.

— Ты собираешь. Я забираю. Чем больше приносишь, тем больше можешь сама. — Он говорил спокойно, наблюдая, как меняется её лицо. — Только не вздумай считать, что теперь мы партнёры, Ева. Ты всё ещё моя рабыня.

— Значит, тебе придётся ко мне возвращаться. — Она стиснула зубы, но взгляд не отвела.

Улыбка медленно сошла с его лица, уступив внимательному любопытству.

— Придётся, — согласился он. — А тебе — ждать.

Глава 3

Чужой страх

Утром Ева первым делом посмотрела на свободную половину кровати. Адаваша не было. Она провела ладонью по простыне, перевернулась на спину и прислушалась к себе. Внутри было тихо. Она прекрасно помнила обоих мужчин, но их переживания больше не смешивались с её собственными. Настроение оказалось неожиданно хорошим.

Телефон коротко завибрировал. Ева потянулась к нему и увидела несколько сообщений от Андрея. Первые пришли ещё ночью: «Ты добралась?» и «Спасибо тебе за вечер».

Утром он написал снова: «Доброе утро. Как спалось?» Последнее сообщение появилось только что: «Наверное, ещё спишь. Напиши, когда проснёшься».

Ева посмотрела на время, положила телефон на постель и пошла в ванную. Он мог подождать.

В зеркале она увидела лицо, к которому ещё не успела привыкнуть. Ева включила свет поярче и наклонилась ближе. Она убрала волосы со лба. Кожа выглядела ровной, глаза — ясными. Даже рот, ещё чуть припухший после сна, казался красивее. Ева медленно повернула голову, наблюдая, как свет ложится на щёку.

— Вот это мне подходит, — сказала Ева своему отражению.

На кухне она поставила чайник. Пока вода нагревалась, вернулась за телефоном и открыла переписку с Андреем. «Проснулась. Всё нормально». Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо. Я переживал». Ева усмехнулась. Вчера он высадил её на проспекте, прекрасно зная, что домой она пока не собирается. Теперь переживал.

Пока она доставала чашку, появилось следующее сообщение: «Какие планы на сегодня?» Она написала: «Пока не знаю» — и занялась кофе. Через минуту телефон снова завибрировал: «Может, увидимся? Я могу подъехать, куда скажешь». Ева не стала отвечать: ей хотелось спокойно выпить кофе. Он напомнил о себе ещё раз: «Если занята, ничего страшного. Просто скажи, когда тебе удобно». Вот это ей понравилось. Она ничего не обещала, даже не поддерживала разговор, а он уже подстраивался под планы, которых у неё пока не было. Ева сделала глоток и написала: «Позже решу». «Конечно. Напиши», — тут же ответил он.

Она отложила телефон. Ей было приятно знать, что он снова хочет встречи. Самой встречаться пока не хотелось.

Лизе она позвонила после завтрака.

— Ты живая вообще? — спросила та вместо приветствия.

— Как слышишь.

— А я уже собиралась тебя набирать.

— Что случилось? — Ева села у окна, поджав под себя ногу.

— Сейчас расскажу. Ты только объясни мне сначала, как можно жить рядом с человеком, которому заняться совершенно нечем.

— Опять соседка?

— А кто ещё? Вера Петровна. У неё, видимо, утро начинается с мысли обо мне.

Ева улыбнулась, глядя на улицу. Лиза и раньше жаловалась на соседку — на её замечания, взгляды и разговоры, которые невозможно закончить, если встретишь её возле двери. Обычно Ева слушала вполуха, иногда вставляя что-нибудь подходящее.

— Чем ты ей на этот раз не угодила?

— Да ничем. В том-то и дело. Выхожу, а она стоит и смотрит на меня так, будто я у неё ночью последнюю пенсию украла. Поздоровалась с ней. Знаешь, что услышала?

— Что?

— «Всё тебе вернётся».

— А ты что ей сделала? — спросила Ева, тихо рассмеявшись.

— Вот и я спросила. Говорю: «Вера Петровна, что именно мне вернётся?» А она губы поджала и отвечает: «Ты прекрасно знаешь».

— Удобно.

— Очень. Я уже, оказывается, должна сама придумать, в чём виновата. Потом опять ведьмой меня обозвала.

— Прямо так и сказала? — Ева перестала смотреть в окно.

— Ну да. Она меня то ведьмой зовёт, то намекает, что я чем-то занимаюсь. Чем — не объясняет. Наверное, по ночам сижу и думаю, как бы ей жизнь испортить. Других дел у меня нет.

— А с чего она взяла?

— Ева, если бы я знала. Ей что-нибудь не понравится — значит, кто-то виноват. И почему-то очень удобно, когда этот кто-то живёт рядом.

— Она всерьёз в это верит? — Ева устроилась на стуле удобнее.

— По-моему, да. У неё вообще с этим интересно. Всё время про бабку свою покойную рассказывает. Что та её защищает, помогает. Она к ней обращается. — Лиза немного помолчала.

— Как обращается?

— Я подробностей не спрашивала. Говорит: «Я у бабушки помощи попросила». Или: «Моя бабушка меня в обиду не даст». А потом начинает рассказывать, что с ведьмами лучше не связываться и вообще нельзя им на глаза попадаться.

— Боится их? — Ева медленно провела пальцем по краю чашки.

— Ужасно. Только меня обзывать почему-то не боится. Вот ты понимаешь эту логику?

— Может, хочет посмотреть, как ты отреагируешь.

— Я уже никак не реагирую. Стараюсь быстрее пройти. Но это тоже плохо: значит, мне есть что скрывать.

Ещё несколько дней назад ей было бы достаточно согласиться, что соседка ненормальная, и перевести разговор на что-нибудь другое. Сейчас она представляла пожилую женщину, которая жила рядом с Лизой, ждала какого-то возмездия и обращалась к умершей бабушке за защитой. Каково это — действительно верить, что покойница тебя слышит?

— А что она говорит про карму?

— Что меня накажут. Что всё возвращается. Что она ещё посмотрит, как я заплачу за свои дела.

— За какие дела?

— Да ни за какие, Ева! — Лиза повысила голос. — Я же тебе объясняю: она сама не говорит. Намёки одни. И смотрит с таким удовольствием, будто мне уже плохо.

Еву заинтересовало удовольствие, с которым соседка ждала чужой беды. Уверенность в собственной правоте, страх перед той, кого сама же объявила опасной, — всё это могло существовать в одном человеке одновременно.

— Ты меня слушаешь? — спросила Лиза.

— Слушаю.

— А то замолчала.

— Думаю, как у неё всё это в голове помещается.

— Вот именно. Я уже устала.

— Она разговорчивая? — спросила Ева, взглянув на чашку с почти остывшим кофе.

— Если дать начать, не остановишь.

— И про бабушку сама рассказывает?

— Сама. Ты чего так заинтересовалась?

— Любопытно стало. — Ева улыбнулась.

— Мне вот уже давно не любопытно. Мне хочется спокойно домой приходить.

— Понимаю.

Лиза хотела, чтобы соседка оставила её в покое. Ева же уже думала, как разговорить Веру Петровну. Ей хотелось увидеть выражение её лица, когда она заговорит о ведьмах. Услышать, как изменится голос при упоминании покойной бабушки. Понять, что сильнее — страх, злость или надежда на защиту. И почувствовать всё это самой.

Телефон коротко подал сигнал нового сообщения. Ева отвела его от уха: Андрей. «Может, хотя бы пообедаем?» Она вернулась к разговору.

— Ты сегодня дома будешь?

— Буду. А что?

— Я бы зашла.

— Заходи. Только позвони перед тем, как соберёшься.

— Хорошо.

— И ты мне расскажи хоть что-нибудь. Как сама?

— Лучше, чем вчера.

— По голосу слышно. Что случилось?

— Потом расскажу.

Лиза ещё немного поговорила о своих делах. Ева слушала, отвечала, но мысли возвращались к соседке.

— Значит, жду тебя? — спросила Лиза.

— Да. Я наберу.

Закончив разговор, Ева снова открыла сообщение Андрея. «Сегодня у меня другие планы», — написала она. Он ответил через несколько секунд: «Понял. Тогда в другой день?» Ева немного помедлила: «Посмотрим». Следом пришло: «Хорошо. Рад, что ты ответила».

Ева отложила телефон и подошла к шкафу. На этот раз она выбирала одежду без привычной мысли о работе. Ей предстояло зайти к подруге и, если получится, познакомиться с её соседкой. Ева достала платье, приложила к себе и посмотрела в зеркало. Интересно, насколько красивее она станет завтра. Перед выходом Ева набрала Лизу, как и обещала.

У подъезда Лизиного дома сидела пожилая женщина в застёгнутой кофте. Рядом на скамейке стояла сумка, а на груди поблёскивало что-то металлическое — настолько крупное, что Ева заметила это ещё с дорожки. Женщина проводила её взглядом от туфель до лица и недовольно поджала губы.

— О, ещё одна проститутка идёт.

— Вы мне? — спросила Ева, остановившись и повернувшись к женщине.

— А кому ещё?

— С чего вы взяли, что я проститутка?

— Ты же к Лизке идёшь. — Старушка усмехнулась, довольная тем, что Ева остановилась.

— К Лизе.

— Ну так она тоже проститутка. Значит, и ты такая же.

Ева посмотрела на окна дома, потом снова на женщину. Вера Петровна. Ответ нашёлся сразу, знакомый и вполне подходящий. Но Ева сдержалась: произнести эти слова означало закончить разговор, ради которого она сюда и пришла.

Ева перевела взгляд на её кофту. К ткани была приколота огромная булавка. Сантиметров двенадцать, если не больше. Толстая металлическая дуга оттягивала трикотаж; застёжка поблёскивала возле воротника. Старушка проследила за её взглядом и накрыла булавку ладонью.

— Что смотришь?

— На вас. — Ева подняла глаза.

— Чего на меня смотреть?

— Вы хорошо выглядите. Я сначала подумала, что это у вас украшение такое. — Ева чуть улыбнулась.

Женщина замолчала. Она явно приготовилась услышать грубость. Пальцы продолжали держаться за булавку, однако подбородок чуть приподнялся.

— Какое ещё украшение?

— Необычное, — спокойно ответила Ева. — Вам цвет кофты идёт.

— Обычная кофта. — Вера Петровна поправила воротник.

— Но вам хорошо.

Ева почувствовала перемену раньше, чем женщина отвела руку от груди. Сквозь раздражение проступило осторожное удовольствие. Старушке хотелось поверить, что на неё посмотрели внимательно и нашли привлекательной, но недавнее оскорбление мешало сразу принять комплимент. Она оглянулась на подъезд, словно там мог находиться свидетель разговора.

— Сейчас молодые только над пожилыми и смеются.

— Я не смеюсь.

— Всякое бывает.

— Не буду вам мешать. — Ева кивнула и чуть повернулась к двери.

— Подожди.

Она остановилась. Вера Петровна убрала сумку со скамейки и поставила себе под ноги.

— Я тебе просто сказала, чтобы ты знала, к кому ходишь.

— Можно? — Ева посмотрела на освободившееся место.

— Садись.

Она села, оставив между ними немного пространства. От старушки пахло мылом и шерстяной одеждой, согретой на солнце.

— Может, ты и не знаешь её толком.

— А что я должна знать?

— Ведьма она. — Старушка наклонилась ближе.

— Почему вы так думаете? — спросила Ева, не улыбнувшись.

— А ты не видишь?

— Что именно?

Вера Петровна посмотрела на неё с разочарованием.

— У неё всё хорошо. — Ева подождала. — Всегда, — добавила старушка. — Вот ты замечала, чтобы у неё что-нибудь не получалось?

— Мы не всё время вместе.

— А я здесь живу. Я вижу. — Она поправила рукав и заговорила увереннее. — Идёт — улыбается. Возвращается — опять улыбается. Одетая, волосы уложены. Мужики у неё есть. Всё у неё есть.

Ева ощутила тяжёлое, неприятное сжатие под рёбрами. Она взглянула на Веру Петровну. Та смотрела на дверь подъезда, и чем дольше смотрела, тем сильнее становилось чувство. Старушку раздражала сама возможность того, что Лиза сейчас находится дома и ни о чём не беспокоится.

— И вы считаете, это из-за колдовства?

— А из-за чего? — Вера Петровна повернулась к ней. — Она что, лучше других?

— Вы её давно знаете?

— Достаточно. Вот я мусор понесу — у меня пакет порвётся. Всё рассыплется, стой потом собирай. А у неё хоть раз порвался? Ты видела?

— Не видела. — Ева покачала головой.

— Вот именно. На автобус я опаздываю. Иду, спешу, уже почти дошла — он перед носом уезжает. А она спокойно идёт. Ей спешить не надо. Всё успевает.

Ева чувствовала, как зависть постепенно смешивается с обидой. Внутри появилось почти детское возмущение: почему другой достаётся то, что мне постоянно приходится вырывать? Это было неприятно и интересно одновременно. Теперь она смотрела на подъезд чужими глазами — ждала, что из двери выйдет красивая женщина, и заранее ненавидела её улыбку.

— А Лиза знает, что вы так думаете? — Ева повернулась к собеседнице.

— Знает. Я ей говорила.

— И что она отвечает?

— Смеётся.

Вера Петровна стиснула губы. Ева ощутила, как болезненно старушке вспоминать этот смех.

— Или смотрит так, будто я ничего не понимаю. Но я понимаю. От меня не скроешь.

— Поэтому булавку носите?

— Для защиты. — Женщина снова коснулась металла.

— Помогает?

Вера Петровна посмотрела ей прямо в лицо. Ева выдержала взгляд, не торопясь с новым вопросом.

— Такие вещи не всем рассказывают, — сказала старушка.

— Тогда не рассказывайте. — Вера Петровна сразу нахмурилась.

— Я не говорю, что тебе нельзя. Просто люди разные. Один послушает, другой потом смеяться будет.

— Я вас слушаю.

— У меня бабушка была. — Старушка немного помолчала, поглаживая пальцем застёжку булавки. Ева заметила, как изменился её голос. — Она многое знала. Я, когда у меня что-нибудь серьёзное предстоит, всегда к ней обращаюсь. Помощи прошу.

— Она умерла?

— Давно.

Вера Петровна произнесла это без той печали, которую Ева ожидала услышать. Вместо неё пришло другое чувство — уверенность, почти облегчение. Как будто где-то существовал человек, способный взять на себя часть её забот.

— И вы чувствуете, что она помогает?

— Конечно. Я же не просто так прошу. — Старушка выпрямилась. — Скажу ей, что нужно. Поговорю. Она меня слышит.

Ева посмотрела на её руки. Для Евы умерший человек оставался умершим. Но сейчас чужая убеждённость была настолько ощутимой, что на несколько мгновений она поняла, как можно ждать помощи от того, кого давно нет. В этом было спокойствие. Оно продержалось недолго.

— Только потом всё равно карма прилетает, — сказала Вера Петровна, оглянувшись через плечо и понизив голос.

— После того, как попросите? — Ева чуть наклонилась к ней.

— Да.

— Каким образом?

— Ну вот пенсию задержали. Я ждала, ждала. Другие получили, а я нет. Или пакет этот. Я ведь только попросила, чтобы дело нормально решилось, а потом выхожу — и всё на землю. Ты думаешь, просто так?

— Вы это связываете с просьбой?

— А как не связывать? Одно за другим. — Она заговорила быстрее. — То одно, то другое. Я уже знаю: если обратилась, потом обязательно что-нибудь будет.

Теперь Ева почувствовала страх. Он оказался совсем не похожим на короткую тревогу клиента, боявшегося ей не понравиться. Этот страх жил в старушке постоянно, заставляя заранее ожидать неприятности и искать подтверждение в любой мелочи. Ева медленно вдохнула. Ей захотелось поправить булавку на чужой кофте, убедиться, что застёжка закрыта, что защита на месте. Она опустила глаза на собственные руки и не пошевелилась.

— И всё равно обращаетесь? — спросила она.

— А к кому мне ещё обращаться? — Вера Петровна посмотрела на неё почти сердито.

— Бабушка хотя бы своя. Она плохого не сделает. А чужие… Чужим лучше на глаза не попадаться, — продолжила старушка тише, когда Ева кивнула.

— Ведьмам? — Ева посмотрела на огромную булавку.

— Им самым. Посмотрит такая на тебя — и всё. Потом разбирайся, что у тебя началось.

— Но Лизе вы сами говорите, что она ведьма.

— Пусть знает, что я вижу. — Вера Петровна замерла, затем нахмурилась.

— Ты ей только не пересказывай, — осторожно попросила старушка после недолгой паузы. Она смотрела на Еву с беспокойством, словно пыталась понять, не сказала ли лишнего.

— Про бабушку?

— Вообще.

— Я же вас слушаю, а спорить не собираюсь. — Ева чуть улыбнулась.

Вера Петровна заметно расслабилась. Она снова заговорила о Лизе: о том, как та ходит, как одевается, как разговаривает с мужчинами. Обвинения менялись местами, повторялись, обрастали возмущёнными вопросами, на которые старушка сама же отвечала.

— И мужики у неё есть, — сказала она с особенной неприязнью. — Хоть и проститутка.

— Так вас что больше сердит: что она проститутка или что мужчины к ней идут? — Ева повернулась к ней.

Вера Петровна открыла рот, но ответила не сразу. Ева почувствовала короткое замешательство, следом — злость. Она уже собиралась посмотреть, во что та превратится, однако старушка встретилась с ней взглядом, и злость смешалась с тревогой. Ей не хотелось потерять внимательную слушательницу.

— Я за тебя говорю, — произнесла она наконец. — Ты вроде хорошая девушка. Зачем тебе с ней связываться?

Ева улыбнулась. Вера Петровна улыбнулась в ответ — осторожно, стараясь понять, удалось ли сказать что-нибудь приятное.

Телефон в сумке завибрировал. Лиза спрашивала, скоро ли она придёт. Ева написала, что уже возле дома, и поднялась.

— Мне пора.

— Ты заходи ещё. — Старушка тоже выпрямилась.

— К Лизе?

— Да я не про неё. Со мной поговорить.

Ева посмотрела на неё. Теперь Вера Петровна ждала согласия.

— Поговорим, — ответила Ева.

— Я здесь часто сижу. Ты увидишь.

— Тебя как зовут? — добавила она, поправив кофту и осторожно обойдя ладонью булавку.

— Ева.

— А меня Вера Петровна.

— Очень приятно.

Ева направилась к подъезду, чувствуя на себе её взгляд. Чужой страх уже поселился внутри, но рядом с ним оставались зависть, обида, удовольствие от комплимента и почти тёплая уверенность в том, что умершая бабушка где-то рядом и может помочь.

Возле двери Ева обернулась. Вера Петровна всё ещё смотрела на неё. Заметив её внимание, старушка сразу улыбнулась. Ева ответила тем же. Теперь она знала, где её будут ждать.

Лиза открыла почти сразу.

— Ты где пропала?

— С соседкой твоей разговаривала. — Ева вошла, снимая пальто.

— С Верой Петровной? — Лиза замерла с рукой на дверной ручке.

— У тебя ещё одна есть?

— Господи. Она тебя поймала?

— Можно и так сказать.

— Что несла?

— Сначала сказала, что я проститутка, потому что иду к тебе. Потом рассказала, что ты ведьма. — Ева повесила пальто и повернулась к подруге.

— Ну конечно. — Лиза закатила глаза.

— Зато теперь я знаю, что у тебя мусорные пакеты не рвутся.

— Что?

— И на автобус ты не опаздываешь. Очень подозрительно, Лиза. Я бы на её месте тоже задумалась. — Ева рассмеялась.

— Вот дура старая, — выдохнула та, но тоже улыбнулась. — Проходи. Кофе будешь?

— Буду.

Они устроились на кухне. Лиза достала вторую чашку, подвинула к Еве тарелку с печеньем и наконец посмотрела на неё внимательнее.

— Ты что с собой сделала?

— В смысле? — Ева подняла глаза.

— Выглядишь по-другому.

— Выспалась.

— Мне бы так выспаться. — Лиза наклонилась через стол, разглядывая её лицо. — Нет, серьёзно. Ты что-то делала?

— Ничего.

— Даже не красилась почти.

— А надо было? — Ева коснулась щеки.

— Да я не про это. Тебе хорошо.

Она сказала это без натянутой улыбки, и Ева ощутила простое, искреннее расположение. После Веры Петровны оно показалось особенно лёгким.

— Как у тебя дела? — спросила Ева, взяв чашку обеими руками.

— Как обычно. Вчера один полчаса торговался. Я ему уже сказала: ты на разговор больше времени потратил, чем собирался со мной провести. — Лиза пожала плечами.

— И что?

— Уехал. Потом опять написал.

— Согласился?

— Спросил, не передумала ли я. — Ева рассмеялась. Лиза села напротив и потянулась за печеньем. — Иногда думаю, им вообще ничего не надо. Просто хочется, чтобы ты весь вечер отвечала, объясняла, доказывала, почему столько стоит. И ещё была приветливой.

— А потом скажут, что у тебя характер испортился.

— Конечно. У меня же никаких причин нет.

Ева слушала, наблюдая, как меняется лицо подруги. Лиза говорила раздражённо, но без той тяжёлой неприязни, которую Ева только что чувствовала во дворе. Ева понимала слишком хорошо.

Они ещё немного поговорили о работе, о деньгах, которые исчезали быстрее, чем появлялись, о том, как иногда надоедает отвечать на одни и те же вопросы.

— Да как же он меня достал, — сказала Ева, усмехнувшись новому сообщению.

— Кто?

— Один вчерашний.

— Что хочет?

Ева протянула Лизе телефон. Андрей спрашивал, освободилась ли она, и напоминал, что может подъехать. Лиза прочитала сообщение.

— Это он тебя достал?

— С утра пишет. Доброе утро, как спала, когда увидимся, давай пообедаем.

— И что тебе не нравится?

— Я ему уже сказала, что у меня планы.

— Мне бы так писали. — Лиза вернула телефон.

Она произнесла это с улыбкой, почти шутя, но Ева почувствовала короткое, тянущее неудовольствие. Лиза не злилась на неё. Просто на мгновение представила, как приятно было бы самой получать такие сообщения: без торга, без раздражения, без требования немедленно назвать цену. Чтобы кто-то спрашивал, как она спала, и предлагал приехать.

Ева задержала на ней взгляд. Зависть была почти незаметной примесью к дружескому расположению.

— Он ещё вчера денег больше дал. — Ева сделала глоток кофе.

— Просто так? — Лиза подняла брови.

— Просто так.

— И ты жалуешься?

— Да я не жалуюсь. Только он теперь, похоже, решил, что мы встречаемся.

— Может, ты ему понравилась.

— Мы один раз виделись.

— И что? Этого мало?

Ева опустила глаза на телефон и открыла переписку. «Можешь меня забрать?» Ответ пришёл почти сразу: «Конечно. Откуда?»

— Какой у тебя номер дома? Я вечно забываю. — Ева посмотрела на Лизу.

— Ты ему адрес даёшь?

— Пусть подъедет.

Она отправила адрес и номер подъезда, после чего положила телефон рядом с чашкой.

— И приедет? — Лиза смотрела на неё с любопытством.

— Сейчас узнаем.

— Представляешь, придурок какой, блядь. Один раз со мной встретился, а уже возить собрался, — сказала Ева со смехом, показывая Лизе сообщение, которое пришло почти сразу: «Выезжаю. Напишу, когда буду рядом».

— Нормально он собрался. — Лиза прочитала, затем откинулась на спинку стула.

— Что?

— Ничего. Заберёт, отвезёт. Тебе плохо?

Ева снова почувствовала эту лёгкую зависть — теперь отчётливее. Лизе тоже хотелось иметь человека, который без лишних вопросов приедет к подъезду. Которому можно написать несколько слов и вернуться к кофе, зная, что он уже собирается.

Ева медленно отломила кусочек печенья. Она могла бы убрать телефон и перевести разговор. Вместо этого оставила его на столе, поближе к подруге.

— Ещё обед предлагал.

— Ну так пообедай с ним.

— Не хочу.

— Вот кому-то везёт, а она ещё выбирает. — Лиза покачала головой.

Когда он написал, что ждёт, Ева ещё несколько минут просидела за столом, дослушивая Лизу, потом поднялась.

— Ладно, пойду. — Подруга проводила её в прихожую.

— Ты хоть не отшивай его сразу.

— А зачем мне его отшивать?

— Ну ты так говоришь…

— Пусть возит. — Ева надела пальто и поправила волосы.

— Вот именно. — Лиза усмехнулась.

Они попрощались. Уже на лестнице Ева заметила, что улыбается. У подъезда Андрей вышел из машины, едва увидев её. Вера Петровна всё ещё сидела на скамейке. Ева скользнула по ней взглядом, но останавливаться не стала.

— Привет, — сказал Андрей.

— Привет. — Он открыл пассажирскую дверь. Ева села, устроила сумку на коленях и подождала, пока он займёт место за рулём.

— Долго ждёшь?

— Нет. Всё нормально.

Ей показалось, что он ответил слишком быстро. Андрей внимательно посмотрел на неё, словно хотел убедиться, что вчерашняя встреча действительно была и перед ним та же женщина.

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

Он улыбнулся. Ева ощутила его радость от того, что она здесь.

— Куда хочешь? — спросил он.

— Пока не решила.

— Может, пообедаем? Есть хорошее место.

— Я не голодная.

— Тогда просто кофе?

— Я только что пила.

Андрей кивнул. Несколько секунд он молчал, положив руки на руль, но двигатель не заводил.

— Ты так и будешь придумывать, куда меня отвести? — Ева повернулась к нему.

— Я хотел провести с тобой время. — Он чуть смутился.

— Я поняла.

Её спокойствие, похоже, беспокоило его больше, чем открытый отказ. Андрей искал, что ещё предложить, и Ева чувствовала это настойчивое желание найти правильный ответ.

— У тебя всё нормально? — спросил он наконец.

— Да.

— Деньги нужны?

— А кому они не нужны? — Она посмотрела на него внимательнее.

Андрей достал бумажник. Ева не отвела взгляда, пока он отсчитывал купюры. Затем он протянул их ей.

— Возьми.

— За что? — Она посмотрела на деньги, но сразу брать не стала.

— Просто.

— Андрей, я сейчас никуда с тобой не еду в гостиницу.

— Я и не предлагаю.

— Тогда зачем?

— Хочу помочь. Купи себе что-нибудь. Или потрать, на что нужно, — ответил он после недолгой паузы.

Ева взяла купюры. Он сам отдал деньги и обрадовался тому, что она согласилась их принять.

— Спасибо. — Ева убрала деньги в сумку.

Андрей улыбнулся, и она почувствовала, как отпускает его напряжение. Она устроилась удобнее. Теперь он мог ещё немного посидеть рядом.

— Я хотел тебя кое-куда пригласить, — сказал Андрей.

— Куда? — Ева повернула к нему голову.

— На встречу. Соберутся знакомые, посидим, поговорим. Я бы хотел, чтобы ты пришла со мной.

— Какие знакомые? — Она несколько секунд молча смотрела на него.

— Мои.

— Это я поняла. Ты меня к своим знакомым привести хочешь?

— Да.

— Что? — спросил он, не улыбнувшись в ответ на её смех.

— Андрей, ты где меня вчера забрал?

— Я помню.

— На проспекте. Я уличная проститутка, блядь. Ты меня на встречу к своим знакомым собрался тащить?

— Я вижу в тебе женщину, которую хотел бы видеть рядом. — Он выдержал её взгляд.

Ева перестала смеяться. Она прислушалась к тому, что шло от него, ожидая обнаружить привычную смесь желания и самодовольства. Желание было. Самодовольство тоже — ему нравилась мысль, что она придёт с ним. Но он не стыдился её. И сейчас ему очень хотелось, чтобы она перестала говорить о себе так, словно этим одним словом можно закончить любой разговор.

— Ты меня вообще не знаешь, — произнесла Ева.

— Поэтому и хочу узнать.

— После одного раза?

— Да.

Она посмотрела в окно. Вера Петровна наблюдала за машиной. Заметив взгляд Евы, старушка тут же отвернулась к своей сумке.

— А как ты меня представишь? — Ева медленно улыбнулась.

— Евой. — Андрей оживился.

— Просто Евой?

— А что ещё я должен сказать?

— Не знаю. Ты же всё придумал. — Она снова посмотрела на него.

— Я ничего особенного не придумывал. Хочу прийти с тобой. Познакомить тебя с людьми, с которыми общаюсь.

— И что мне там делать?

— Поужинаем. Поговорим. Если не понравится, уедем.

Ева помолчала. Она вспомнила Адаваша и его насмешку над тем, как мало ей оказалось достаточно.

— А кто там будет? — спросила Ева.

Андрей начал рассказывать. На этот раз она слушала внимательно.

Глава 4

Возможности

Ева согласилась, пока Андрей ещё рассказывал о своих знакомых.

— Хорошо. Поеду с тобой.

— Правда? — Он замолчал на середине фразы.

— Ты же сам предложил. — Она посмотрела на него с усмешкой.

— Да, конечно. Я просто подумал, что тебе неинтересно.

— Теперь интересно.

Андрей улыбнулся и начал объяснять, во сколько заедет, где находится ресторан, кто обычно собирается на таких встречах. Ева слушала уже без прежнего раздражения. Впервые за долгое время ей предстоял вечер, о котором она почти ничего не знала.

Вечером в ресторане их ждали. Ева поняла это по тому, как несколько человек одновременно повернули головы, когда Андрей провёл её между столиками к отдельной части зала. За длинным столом сидели мужчины и женщины. Кто-то ещё разговаривал по телефону, прикрыв ладонью рот, перед другими стояли бокалы и небольшие тарелки с закусками. Разговоры пересекались: возле окна обсуждали поставку, чуть дальше смеялись над чьим-то рассказом. Ева успела заметить часы, украшения, хорошие ткани. Всё выглядело достаточно непринуждённо, чтобы человек, никогда не считавший деньги перед покупкой еды, чувствовал себя здесь совершенно спокойно. Она расправила плечи.

— Знакомьтесь, это Ева, — сказал Андрей.

Несколько секунд за столом было непривычно тихо. Затем мужчина напротив свободных мест поднялся, протягивая ей руку.

— Очень приятно. Виталий Валерьевич.

Он был старше Андрея, плотный, с аккуратно подстриженными волосами и спокойным лицом человека, привыкшего, что его слушают. Ева вложила пальцы в его ладонь.

— Взаимно.

Он задержал её руку чуть дольше необходимого. Первое чувство пришло сразу: живой интерес, который за одно мгновение успел стать желанием. Ева подняла на него глаза. Виталий Валерьевич улыбнулся и отпустил её руку.

— Садитесь. Андрей, что же ты нас раньше не познакомил?

— Сам недавно познакомился.

— Тем более.

Андрей отодвинул для Евы стул и сел рядом. Пока ей представляли остальных, она старалась запомнить лица. Имена почти сразу смешались. Гораздо отчётливее ощущалось другое. Женщина напротив осмотрела её платье, волосы, руки. Ева почувствовала короткий укол недовольства, затем — внимательное, почти придирчивое любопытство.

— Очень красивый цвет. Вам идёт. — Женщина улыбнулась.

— Спасибо.

— Я всё никак не могу подобрать себе что-то подобное. На вешалке нравится, надеваешь — совсем не то.

Ева улыбнулась в ответ. Женщина заметно оживилась и спросила, где она покупала платье.

Рядом другая, с тонкой цепочкой на шее, посмотрела сначала на Еву, потом на своего спутника. Тот слушал Андрея, но взгляд возвращался к новой гостье слишком часто. По Евиному телу прошла чужая досада. Она ещё не успела толком устроиться за столом, а уже чув-

ствовала себя так, словно одновременно вступила в несколько разговоров, ни один из которых не произносился вслух.

— Что будете? — спросил Андрей, когда официант подал Еве меню.

— Я пока выберу. — Ева открыла меню, посмотрела на названия и цены.

— Возьмите рыбу, — посоветовал Виталий Валерьевич. — Здесь хорошо готовят.

Он говорил ей, хотя до этого обсуждал что-то с мужчиной слева. Тот тоже повернулся к Еве, и на мгновение ей стало тесно от направленного на неё внимания.

Один представлял, как останется с ней наедине. У другого желание было резче, нетерпеливее. Когда Ева потянулась за бокалом воды, перед ней внезапно мелькнул знакомый стол — тот самый, за которым они сидели, только без тарелок, без гостей, с ней самой на его краю.

Она замерла, не успев поднести бокал к губам. Картина исчезла. Мужчина через два места от Андрея спокойно спрашивал, давно ли она знакома с их общим приятелем. Ева посмотрела на него и ощутила, как сильно его занимал ответ.

— Недавно, — сказала она.

— Понятно.

Ему явно понравилось это «недавно». Ева сделала глоток воды.

— Всё нормально? — Андрей наклонился к ней.

— Да, — спокойно ответила она, хотя внутри уже становилось жарко от множества чужих чувств. Ей хотелось остаться.

Первые полчаса Ева преимущественно слушала. Говорили о помещениях, аренде, сотрудниках, о человеке, который обещал одно и сделал другое. Кто-то сердился на партнёра, кто-то с явным удовольствием рассказывал об удачно завершённой сделке. Женщина напротив упомянула знакомую, открывшую ещё одну точку, и Ева почувствовала ту же зависть, что недавно слышала в Лизином голосе, только гораздо плотнее. Здесь умели улыбаться, не прерывая неприятного чувства.

Ева смотрела на собеседников, постепенно различая, что кому принадлежит. Иногда впечатления накладывались друг на друга, но стоило задержать взгляд на одном лице, и всё становилось отчётливее.

— А вы чем занимаетесь, Ева? — спросил Виталий Валерьевич.

Она повернулась к нему. Андрей рядом чуть напрягся. Ева заметила это краем сознания, но смотреть на него не стала.

— Да так. Сейчас ничем определённым.

— Ищете что-то?

— Скорее думаю.

— О чём? — Он отложил приборы.

— Чем бы хотелось заниматься.

— И чем бы хотелось?

Ева провела пальцем по ножке бокала, неожиданно растерявшись от такого простого вопроса. Обычно её спрашивали, сколько она хочет. Что умеет. Когда свободна. Виталий Валерьевич ждал, чем бы она занялась, если бы могла выбирать.

— Возможно, что-нибудь своё открыла бы, — ответила она. — Небольшой бизнес.

— Какой?

— Салон красоты, например, — ответила она, пожав плечами.

Произнеся это вслух, Ева сама на мгновение представила большое зеркало, светлое помещение, кресла. Женщин, приходящих туда по записи. Деньги, которые платили бы за работу людей, нанятых ею.

— Хорошая сфера, — сказал Виталий Валерьевич. — А почему не откроете?

— Потому что у меня нет денег на салон. — Ева посмотрела на него: он спрашивал серьёзно.

— Своих денег может и не быть.

— А платить чем? За помещение, за всё остальное? — Она чуть усмехнулась.

— Это можно организовать. Финансирование найти, кредит рассмотреть. Или человека, который вложится. Потом из дохода постепенно рассчитываться. — Он говорил так спокойно, будто объяснял, как заказать ещё одну бутылку воды.

— И кто даст деньги человеку, который никогда этим не занимался? — Ева поставила бокал.

— Сначала надо понять, что именно вы хотите открыть. Всё посчитать. Посмотреть помещение, расходы, кто будет работать. Для этого есть люди.

— Которые тоже бесплатно не работают.

— Вы правильно рассуждаете. — Виталий Валерьевич улыбнулся.

Ева не почувствовала снисхождения. Ему понравилось, что она возразила, и теперь хотелось ответить так, чтобы убедить её.

— Я не говорю, что достаточно придумать название и завтра открыть двери, — продолжил он. — Но это вполне решаемые вопросы.

— Сейчас ещё хороших мастеров найти надо. Это самое сложное, — вмешалась женщина напротив. — У нас возле дома красивый салон открыли, а через полгода половина сотрудников ушла.

— Поэтому сначала считают и собирают людей, — ответил Виталий Валерьевич. — А уже потом тратят деньги. — Он снова посмотрел на Еву. — Вы сами в этом разбираетесь?

— Как клиент — да. Управлять не пробовала.

— Значит, придётся разобраться. — Виталий Валерьевич кивнул.

— Вы так говорите, будто уже решили, что я открою салон. — Ева слегка наклонила голову.

— А вы хотите?

Она помолчала. Ещё утром это не было её планом. Даже час назад не было. Слово появилось почти случайно, в ответ на вопрос, но теперь за ним начали проступать вещи, которые можно было представить: собственное место, собственные деньги, возможность самой решать, кого принять, кому отказать, кому заплатить.

— Возможно, хочу.

— Тогда можно обсудить.

Разговор за столом постепенно разделился. Андрей отвечал кому-то справа, женщины вернулись к теме сотрудников, а Виталий Валерьевич придвинул к себе чашку кофе и заговорил с Евой тише.

— Я могу помочь.

— Советами? — Она посмотрела на него.

— В том числе деньгами. — Он улыбнулся.

Ева несколько мгновений не отвечала. Она ожидала услышать что-нибудь о знакомом, который знает другого знакомого. Предложение позвонить, спросить, когда-нибудь познакомить. Он говорил о себе.

— Вы меня первый раз видите.

— Это поправимо.

За его словами появилось желание — ясное, сильное, уже знакомое ей по взглядам мужчин за столом. Ева увидела, насколько далеко он успел уйти в собственных представлениях, пока говорил о помещении и сотрудниках.

— Я вас чем-то смутил? — спросил Виталий Валерьевич, заметив, что она чуть отстранилась.

— Нет.

Ева чувствовала его намерение заняться её вопросом: найти время, позвонить нужным людям, посмотреть расчёты. Ему нравилось представлять себя человеком, который всё это для неё сделает. И ещё больше хотелось увидеть, как она будет смотреть на него после.

— А вам это зачем? — Ева опустила глаза на его руку возле чашки.

— Мне интересно.

— Салоны красоты?

— И они тоже могут быть интересны. — Он негромко рассмеялся.

Она подняла на него взгляд. Ева почувствовала его ожидание. Она могла получить это предложение, просто оставаясь рядом и слушая. От этой мысли на мгновение стало трудно сосредоточиться. Вчера она стояла у дороги и называла цену. Сегодня мужчина, с которым она познакомилась меньше часа назад, предлагал обсудить деньги на целый салон.

— И как это выглядело бы? — спросила Ева, сделав небольшой глоток.

— Для начала встретимся и спокойно поговорим, — оживился Виталий Валерьевич. — Вы расскажете, каким видите это место. Не здесь, где нас постоянно отвлекают. Потом посмотрим варианты.

— Я пока ничего не считала.

— Я понял. С этого и начнём.

— Оставите номер? — Он достал телефон.

Ева продиктовала. Пока он сохранял контакт, она заметила, что женщина напротив перестала слушать свою соседку и наблюдает за ними. Вслед за взглядом пришло раздражение. Потом женщина улыбнулась Еве.

— Если действительно решите открывать, скажите. Я бы с удовольствием посмотрела. У вас, мне кажется, вкус хороший.

— Спасибо, — ответила Ева.

Она ощутила, как женщине важно получить от неё тёплый ответ, и улыбнулась чуть шире.

— Чтобы не потеряли. — Виталий Валерьевич отправил ей короткое сообщение со своим именем.

— Не потеряю.

— О чём договорились? — Андрей повернулся к ним.

— О возможностях, — ответил Виталий Валерьевич.

Ева почувствовала напряжение Андрея. Он посмотрел на её телефон, затем на собеседника.

— Я сказала, что хотела бы открыть салон. — Она коснулась его руки.

— Салон? — переспросил он.

— А что?

— Нет, ничего. Хорошая идея.

Его беспокойство смешалось с удовольствием от её прикосновения. Ева убрала руку и вернулась к разговору.

Когда они вышли из ресторана, воздух показался прохладнее, чем был на самом деле. Андрей спросил, не замёрзла ли она, и поспешил открыть машину. Ева села, прежде чем успела ответить.

За вечер в ней накопилось столько чужого, что теперь каждое новое ощущение отзывалось поверх уже полученных. Андрей тоже добавлял своё: радовался, что она уезжает с ним, и одновременно пытался понять, насколько её заинтересовал Виталий Валерьевич.

— Тебе понравилось? — спросил он, заводя двигатель.

— Да. — Ева посмотрела на светящиеся окна ресторана.

— Я рад.

— Хорошо, что ты меня позвал, — сказала она, услышав его облегчение, и повернулась к нему.

Андрей улыбнулся. Ева достала телефон и сохранила номер Виталия Валерьевича.

Пока машина выезжала со стоянки, Ева ещё раз вспомнила его слова о финансировании. Она пока не знала, сколько стоит открыть салон, что нужно подписывать и действительно ли всё окажется так просто, как звучало за столом. Но он сам предложил.

— О чём думаешь? — спросил Андрей.

— О салоне, — ответила Ева, погасив экран и убрав телефон в сумку.

Квартира встретила Еву тишиной, но внутри неё стоял оглушительный, невыносимый гул. Чужие эмоции, собранные за вечер в ресторане, — липкое, расчётливое вожделение Виталия, зависть лощёных женщин, щенячья радость Андрея, — всё это кипело под кожей, пульсировало в висках, требуя выхода. Сняв пальто, она бросила сумку на кресло и тяжело оперлась ладонями о стол. Тело дрожало от переизбытка энергии. Она чувствовала себя всемогущей. У неё будут деньги. У неё будет салон. Она заставит этих мужиков в дорогих костюмах ползать у её ног, отдавая ей всё, что она пожелает.

Воздух за спиной внезапно стал густым и холодным, как вода на дне колодца.

— Салон красоты, значит? — раздался низкий, бархатный голос, от которого по позвоночнику ударил ледяной ток.

Ева резко обернулась. Адаваш стоял посреди комнаты, скрестив руки на груди. В полумраке его глаза мерцали потусторонней, хищной насмешкой. Она хотела что-то сказать, но он сделал плавный шаг навстречу, и слова застряли в горле.

— Бизнесвумен, значит? — В его голосе появилась откровенная насмешка. — Один вечер за хорошим столом, один мужик заговорил о деньгах — и ты уже решила, что стала хозяйкой собственной жизни?

— Я беру то, что мне предлагают, — огрызнулась Ева, пытаясь удержать фасад гордости, хотя от его давления чужие эмоции внутри неё уже сворачивались в тугой, болезненный ком.

Адаваш рассмеялся — глухо, жестоко и абсолютно безжалостно. В одно мгновение он оказался вплотную, схватил её за подбородок ледяными пальцами, заставляя поднять лицо.

— Бери то, что тебе предлагают. Я разве запрещаю? Только не путай чужое желание тебе угодить с собственной властью. Два дня назад ты стояла на проспекте и ждала, кто остановит машину. Неужели уже забыла?

— Заткнись! — Она попыталась вырваться, но его хватка была стальной.

— Два дня назад, Ева. Ты сидела на холодном полу ванной с обожжённой грудью и говорила, что тебя всё заебало. Люди, деньги, наркотики, собственная жизнь. Я прекрасно помню. А ты? А теперь один мужик заговорил о деньгах на салон, и ты уже решила, что держишь их всех за горло?

Он не дал ей ответить. Резким, грубым движением Адаваш развернул её спиной к себе. Ева вскрикнула, когда он с силой толкнул её вперёд, заставляя согнуться пополам и упереться ладонями в столешницу.

— Только не забывай, благодаря кому они вообще начали открывать перед тобой двери, рабыня.

Раздался треск рвущейся ткани — он даже не стал церемониться с бельём, одним рывком освобождая себе путь. Ева задохнулась, когда он вошёл в неё — бескомпромиссно, жестоко, на всю длину, без малейшей прелюдии. Это был удар, от которого из лёгких выбило весь воздух. Он двигался дико, животным, рваным темпом, вбивая её в стол с каждым безжалостным толчком. Дерево под её ладонями жалобно скрипело.

— Открывай свой салон. Носи дорогие платья. Сиди среди этих женщин и делай вид, что всегда там была. Мне плевать. Только не вздумай убеждать себя, будто стала другой. Ты не стала лучше, Ева. Ты просто стала опаснее.

Ева хотела кричать от унижения, но вместо этого из её горла вырвался сорванный стон животного экстаза. Чужая энергия, распиравшая её изнутри, начала стремительно выходить, сгорая в этом первобытном ритме. Его слова кололи, безжалостно уничтожали её раздутое эго, вскрывали самую больную правду, но тело реагировало на его ледяное, грубое доминирование парализующим оргазмом.

— Отдавай, — приказал он, ускоряя темп до предела, вдавливая её в стол так, что на бёдрах завтра останутся синяки. — Отдай мне всё, что собрала сегодня. Их похоть. Их зависть. Их желание тебе угодить. Их жадность, гордость, ревность — всё. А свои амбиции оставь себе. Они тебе ещё пригодятся.

Её накрыло. Оргазм разорвал Еву изнутри сокрушительной волной, выжигая дотла и зависть, и гордость, и чужое вожделение. Она закричала, судорожно цепляясь побелевшими пальцами за край стола, пока Адаваш мощным рывком не дошёл до пика, изливая в неё свою тёмную силу и одновременно выпивая её саму до последней капли.

Он резко вышел. Ева обессиленно сползла по краю стола на пол, тяжело дыша. Внутри звенела непривычная тишина. Исчезли чужая зависть, мужское желание, Андреева радость, напряжение Виталия Валерьевича.

Но мысль о салоне осталась.

Адаваш небрежно застегнул брюки, глядя на неё сверху вниз с сытым, циничным удовлетворением.

— Они могут хоть называть тебя госпожой. Это ничего не изменит между нами.

Глава 5

Утро началось с глухой, обжигающей ненависти. Ева открыла глаза и уставилась в потолок. Внутри всё дрожало от ядовитой злости. Вчерашнее унижение жгло изнутри. Адаваш не просто забрал накопленную за вечер энергию — он безжалостно сбил с неё самодовольство, напомнив, откуда она вышла и благодаря кому перед ней вдруг начали открываться двери.

Она стиснула зубы. В памяти всплыло его лицо — безупречные, хищные черты, тёмные проницательные глаза, в которых не было ни капли человеческого сострадания. Насколько вообще можно быть таким совершенным, дьявольски красивым — и настолько же отвратительным? Он был монстром, которому нравилось напоминать ей, что никакая новая сила не отменяет его власти над ней. «Ты останешься той же корыстной бабой», — эхом прозвучали в голове его слова.

Ева медленно села на кровати. На бёдрах темнели синяки. Злость начала остывать, превращаясь во что-то тёмное, тяжёлое и прагматичное. Губы растянулись в жёсткой, холодной усмешке.

Ах, так? Он хочет, чтобы она помнила, кем была ещё несколько дней назад? Хочет, чтобы один ужин и одно обещание не заставили её возомнить себя хозяйкой мира? Отлично. Значит, она перестанет размениваться на мелочи. Она возьмёт этого хозяина жизни, этого холёного Виталия Валерьевича, и выкачает из него всё: его деньги, его связи, его статус, его эмоции.

Днём они встретились в лобби-баре дорогого отеля. Виталий Валерьевич уже ждал её за угловым столиком. На нём был безупречный костюм, перед ним лежал ежедневник. Он выглядел как человек, привыкший решать деньгами всё, что ему хотелось получить. И Ева почти сразу поняла: сегодня он собирался попробовать тот же способ с ней. Ева села напротив, плавно закинув ногу на ногу. Внутри неё уже просыпалась та самая тёмная тяга — она чувствовала его предвкушение, его уверенность в собственной власти. Он хотел её, и эта похоть была густой, самоуверенной.

— Добрый день, Ева. — Виталий улыбнулся, оценивающе скользнув взглядом по её лицу. — Выглядите потрясающе. Я сделал пару звонков насчёт коммерческой недвижимости. Есть несколько отличных вариантов под салон в центре. Можно поехать посмотреть.

Ева откинулась на спинку кресла и посмотрела ему прямо в глаза.

— Виталий Валерьевич, давайте начистоту. — Её голос звучал ровно и абсолютно спокойно. — У меня нет денег. Ни на аренду в центре, ни на оборудование, ни на ремонт. У меня нет ни копейки на этот бизнес.

Мужчина на секунду замер. Её прямота застала его врасплох, а следом Ева почувствовала вспышку желания — резкую, горячую, почти мгновенную. Уголки его губ медленно поползли вверх. Он отложил ручку, сплёл пальцы и подался вперёд, вторгаясь в её личное пространство.

— Мне нравится, что вы не играете в игры, Ева. Это редкость, — произнёс он, понизив голос. — Хорошо. Я дам вам деньги. Я полностью профинансирую этот проект и обеспечу его запуск. Но вы же взрослая женщина и прекрасно понимаете, чего я хочу от вас взамен.

Ева выдержала его взгляд, не моргнув.

— И чего именно вы хотите? — спросила она так же прямо. — Чтобы я просто иногда была рядом с вами в качестве украшения для встреч? Или что-то конкретное?

Виталий Валерьевич усмехнулся, глядя на её губы.

— Я хочу, чтобы ты была моей любовницей. В прямом смысле этого слова. Доступной тогда, когда мне это нужно.

Ева даже не изменилась в лице. Она смотрела на уверенного в себе мужчину и видела перед собой банковский счёт с пульсом.

— Без проблем, — ровным, почти деловым тоном ответила Ева. — Вы открываете мне салон. Полностью финансируете его, помогаете со всеми юридическими вопросами, бумагами и проверками. А я буду вашей любовницей. Для меня это вполне нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.